

ОТ АВТОРА

После завершения трилогии «Жребий праведных грешниц» у меня осталось чувство недосказанности. А у читателей, как показали отзывы, — недочитанности. Эпилоги в конце романов возникли не случайно: писатель в них завязывает узлы сюжетных линий, ставит точку в судьбе героев или внятное многоточие. Попытка написать эпилог к последней книге — «Возвращение» — оказалась неудачной. Это было нечто похожее на телеграмму в сорок страниц. «Возвращение» так и вышло — оборванное на полуслове, на вздохе без выдоха.

Обычно, когда заканчиваешь книгу, есть ощущение, будто стоишь на берегу и машешь отплывающему кораблю, прощаешься. Не знаешь, расставаясь, потонет он или будет долго и счастливо плавать. Герои «Жребия» уплыть не хотели, освободить в моем мозгу место для новых персонажей в новых книгах не желали. И разумные доводы: если о каждом из вас повествовать подробно, ведь вы по ходу дела еще детей нарожаете, то это выльется в десятки романов, мне жизни не хватит их написать, — принимать во внимание не спешили. Мол, в каждой профессии есть свои сложности.

Выход, уж не знаю, насколько удачный, я нашла в написании сборника рассказов. Один герой — один

«эпилог». Рассказ — самый требовательный по форме жанр. Он отвергает нестройность фабулы, длинные отступления, растекание мыслей по древу. Рассказы я писать люблю, но в этой книге они, с точки зрения чистоты жанра, неправильные. Как бы продиктованные теми самыми героями, засевшими в моей голове, — потомками и наследниками Анфисы Ивановны и Еремея Николаевича Медведевых. Каждый из героев почему-то хотел, чтобы я рассказала его жизнь в целом, но при этом остановилась на каком-то эпизоде подробно. Эти эпизоды подчас никакой великой роли в их судьбе не сыграли. Но ведь и нам из пережитого западают в память сущие безделицы. А наши воспоминания о людях — своего рода «сборник эпилогов».

В последовательности рассказов отсутствует хронологическая четкость. Тому или иному персонажу в одном рассказе, например, десять лет, в следующем двадцать, а затем три годика. И на вопрос: «Сколько же ему (ей) тогда было?» — есть только один ответ: «Сколько на момент, о котором идет речь».

Я прощаюсь со своими героями. Теперь они — ваши.

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

А. С. Пушкин

Клара и Нюраня

Список Клариных претензий к матери был бесконечным. Как гудящие электрические провода — высоко на столбах, не оборвать, от одной опоры до другой, без начала, без конца — бесконечно. Но заявление матери на суде: «Да, мой муж Емельян Афанасьевич Пирогов был предателем и пособником фашистов» — не могло сравниться со старыми мелкими обидами. Можно иметь сотню несимпатичных родинок на теле или одно лиловое родимое пятно на все лицо. Родинок не видно под одеждой, а пятно не спрячешь. И все на него пялятся, тыкают пальцем, брезгливо кривятся, отводят глаза, шепчутся за спиной.

Для тринадцатилетней Клары в 1949 году страшной всего было прослыть дочерью предателя, стать изгоем в кругу приятелей и одноклассников. Клара привычно, без тени стыда взвалила вину на мать. Это все она! Сама выкрутилась, а мужа подставила. Она в подполье была? Как же! Видела я то подполье! Люди при немцах с голоду пухли, а мать мешками продукты сбывала. Кларе было прекрасно известно, что продукты уходили голодающим, но Клара рано научилась называть вещи теми именами, которые ей требовались.

Емельян Пирогов, отец Клары, удрал с отступающими немцами в начале февраля 1943 года, где-то от них

отбился, раздобыл чужие документы на имя комиссованного по ранению сержанта и уехал на край земли — во Владивосток. Емельян, страшно боявшийся боли, пошел даже на то, что подкупил пьяницу-фельдшера, и тот слегка порезал и зашил ему живот — якобы шрамы после ранения. Профессиональный взгляд, конечно, легко разоблачил бы эту маскировку, но Емельян по врачам ходить не собирался. Он устроился завхозом на рыбо-ловецкое предприятие, женился. Через четыре года после Войны его случайно опознал курянин, приехавший на Дальний Восток на заработки. Емельяна арестовали и этапировали в Курск, где состоялся суд.

Память об оккупации была свежа, боль не утихла, жажда отмщения не угасла. Когда нельзя простить, можно только ненавидеть, с ненавистью невозможно расстаться, даже если мстить уже некому. Повешенные и расстрелянные пособники фашистов заслуживали только одной памяти: собаке собачья смерть.

Понадобились десятки лет, смены поколений и государственного режима, чтобы в литературе, кинематографе возникла тема психологии предательства. Коллаборационисты поневоле, женщины, жившие с оккупантами, солдаты и офицеры, побывавшие в плену, воевавшие в штрафбатах бойцы превратились в объекты художественного осмысления. После войны ничего подобного не было ни в умах людей, ни в искусстве. Героев настоящих не чествовали и не возвеличивали. Героям предстояло страну поднимать из руин. Что уж говорить о предателях — о холуях, которые жировали на обедах с барского вражеского стола.

Психология Емельяна Пирогова не заинтересовала бы писателей: она была проста и примитивна как чих. У сложных рефлексирующих натур — вздох, долгий,

тяжелый, мучительный. У плебеев — чих. Главной жизненной установкой Емельяна было прибиться к власти, к любой власти. Белогвардейцы, большевики, фашисты — ему нет разницы. Прибившись к власть имущим — стяжать, подворовывать, тащить в дом нужное и ненужное, продукты и барахло — все, что можно захватить. Он пьянел без вина, оглядывая свое богатство: буфеты, забитые посудой, шкафы с хорошей одеждой, полки в кладовке и в погребе, прогнувшиеся от тяжести портящегося съестного.

Его жена Анна, Нюраня, была пренебрежительно равнодушна к семейному достатку. Она не останавливала Емельяна в его крысином накопительстве, как не бьют по рукам ребенка, который тащит в дом всякую ерунду для своей заветной детской коллекции. Емельяна обижало отсутствие у жены восхищения коврами, бархатными шторами с бубенчиками, патефонами, швейными машинками и кузнецовским фарфором. Но Емельян обиду проглатывал, потому что жена тоже была ценным приобретением. Красавица, врач акушер-гинеколог — это вам не простая деревенская баба, выбившаяся в люди, но так и оставшаяся тупоголовой.

В немецкую оккупацию Емельян, прибившийся к немцам, занимавший какой-то пост в комендатуре, а по сути рыскавший в поисках ценностей (большая часть — новым хозяевам, немного — себе), держал Нюраню на коротком поводке. Потому что она притащила жидовку с ребенком. На улице нашла рожающую, приняла младенца и приволокла их в дом. Емельян, конечно же, избавился бы от опасных квартирантов, но ненаглядная доченька Кларочка прикипела к Ревеке, спешно переименованной в Раю. Жидовка учила Кларочку игре на фортепиано, прежде используемом как подставка для горшков с цветами, азбуке, рисованию — словом, такую

гувернантку еще поищи. А главное, с уст обожаемой дочери не сходило: Рая то, Рая се, мы с Раей... Дочь была для Емельяна маленьким божеством. Ее веление — законом. Этот закон позволял еще и своенравной гордячке Нюране показывать, кто в доме хозяин. Но Емельян не простофиля! Он себя обезопасил: написал заявление немецкому оккупационному командованию. Мол, придя домой, обнаружил, что его жена укрывает незарегистрированную еврейку с ребенком. Вдруг внезапная облава: вот вам заявление! Собирался завтра отдать.

Когда пришли наши, Емельян сгинул, не попрощавшись даже с любимой доченькой. Нюраня раздавала вещи и обнаружила заявление-донос, спрятанное в голенище хромового сапога. Почему-то не порвала, не выбросила. В отличие от дочери, которая постоянно ныла: «где мой папочка, когда придет папочка», Нюраня испытывала громадное облегчение. Точно у нее вырвали из горла кость, которая много времени не давала ни дышать, ни глотать свободно.

Во время суда, пока ее не вызвали, Нюраня то и дело поворачивала голову, смотрела на мужа. Жалкий, несчастный, с бритой головой и со щетиной на дряблых щеках. Трясущийся, похожий на перенесшего тиф или хронически больного злостной малярией. Это ее муж и отец единственного ребенка.

В который раз Нюраня спросила себя: «Стоило?»

Стоило выходить замуж за Емельяна? Вырваться из глуши, из провинциальной больнички в Курской области, где по сорок больных в день, и она, деревенская девушка, без документов, дочь раскулаченных в далекой Сибири, нахватавшаяся отрывочных знаний, ведет прием, потому что фельдшер-акушер Ольга Ивановна рухнула в полном изнеможении. Не столько понимая диагноз,

сколько прислушиваясь к интуиции и поддерживая значимость лица, Нюраня со строгим видом вручала порошки (подкрашенный мел, вчера толкла, других лекарств нет) и велела принимать утром, в обед и вечером. А не так, как делают курские дураки! Взял и заглотал разом — чтоб скорей помогло. Важен процесс! Процесс лечения. И ведь помогало! У нее было прозвище Сибирячка, и шла молва: если Сибирячка «даст процесс», то точно поможет. А если про «процесс» не заикнется, то пиши пропало.

Бесконечной веренице больных было невдомек, как ей противно обманывать невежественных людей, как ей хочется учиться и стать настоящим врачом.

Она стала врачом благодаря Емельяну. Он согласился на сделку: она выходит за него замуж, он помогает ей документы выправить и поступить в медицинский институт.

И ведь был их радостный и счастливый полет-бег на тройке по сельским дорогам меж полей, вспухших зелеными, когда Емельян увозил ее из больнички. И Нюране казалось, что она любит Емельяна или обязательно полюбит, постарается.

Выйти замуж за нелюбимого, незнакомого, сосватанного — обычно в крестьянской среде. На то и семейная жизнь, чтобы притереться. За любимого выйти — редкая удача. Родителям надо девушку с выгодой пристроить, или сиротке самой за кого попало выйти. Потому что одинокая девушка хозяйства не осилит, ей только в батрачки наниматься или в приживалки идти.

Нюраня выходила замуж за Емельяна по обычаю, и сделка состоялась. Емельян слово сдержал. Но ведь и она не нарушила: была верной женой. Хоть и не смогла его полюбить, лаской согреть.

У крестьян тяжкий труд от зари до зари, не до сантиментов, хоть бы выпасться. В городе у советской ин-

теллигенции иначе. Тоже труд, но не физический, изматывающий не тело, а сознание — нечто воздушное, от земли оторванное. Там, где хорошо не запахали, лезет сорняк. Там, где нет любви, лезет раздражение и отвращение. В довоенное время Нюраня пряталась за работу. В оккупацию, когда ее сначала не взяли в единственную оставшуюся больницу для местных, потому что муж при гитлеровцах, когда ей каждый день было страшно за Раю и младенца Мишу, — стало невмоготу. Кость в горле — не вдохнуть и не проглотить. Ничего, выдержала, на спицах как сумасшедшая вязала.

И отгоняла от себя вопрос, невысказанный для крестьянской безродной девушки: «Стоило?» Стоило загубить свою женскую судьбу ради профессии? Лечь под это ничтожество?

Нет ответа.

На судебном заседании Нюраню вызвали дважды. Первый раз обвинитель, прокурор. Она рассказала про музейные экспонаты и прочие вещи, которыми Емельян забивал чердак и сарай. Картины она давно вернула в галерею, а вещи раздала нуждающимся.

Второй раз ее вызвал защитник Емельяна. Молоденький адвокат не скрывал, как глубоко противен ему подзащитный. Но формальности должны быть соблюдены — обвиняемому полагается защитник. Адвокат выглядел так, что дай ему волю, своими руками задушил бы Емельяна, фашистского холуя. Профессиональная честь заставила признать наличие смягчающих обстоятельств: во время оккупации в доме Емельяна Пирогова пряталась еврейская женщина с ребенком.

Нюраня кратко подтвердила:

— Это правда.

Что-то в ее лице насторожило прокурора, и он спросил:

— Как вы объясните, что подсудимый, чей гнилой морально-нравственный облик не вызывает сомнений, подвергал себя и свою семью большому риску?

Она повернула голову и посмотрела на мужа. Емельян подался вперед со щенячьим страхом, с последней надеждой, не мог укротить дрожь. В кармане жакета у Нюрани лежал его донос гитлеровцам, найденный в сапоге. Нюраня могла достать бумагу и представить суду. Она собиралась так поступить, а сейчас медлила.

— Затрудняюсь объяснить, — сказала Нюраня после паузы.

Ее ответ прозвучал как «не знаю». Но на самом деле ей вдруг стало противно добивать Емельяна, как топтать полудохлую змею. И еще противнее было раскрывать перед членами суда и присутствующими свои семейные обстоятельства.

Нюране, как и остальным свидетелям, не были известны факты личного участия Емельяна в карательных операциях и массовых казнях. Но это его, чекиста, перешедшего на сторону врага, мародёра и фашистского лизоблюда, не спасло от расстрела.

— Мне стыдно на улицу выйти! — кричала в лицо матери Клара. — Ты клеймо на меня поставила! Ты меня опозорила!

— Именно я? — спрашивала Нюраня, глядя на дочь с усталой обреченностью. — Не отец, который нарушил присягу, предал Родину, который языком слизывал грязь с сапог фашистов?

— Папа был хороший! — топнула ногой Клара. — Я его обожала! Папа меня любил...

Она не продолжила, но смысл был понятен: папа любил, а мама не любит. Нюраню это невысказанное должно было ранить, обидеть, но вызвало лишь доса-